

Глава 3

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И РУССКАЯ ИСТОРИЯ В СТРУКТУРЕ ПАРТИЙНОЙ ДОКТРИНЫ ВНС

1. Феномен русского национального характера в освещении идеиных вождей партии русских националистов

Исходным при рассмотрении русских национальных черт являлось убеждение идеологов ВНС в следующем.

Во-первых, как уже отмечалось в главе 1, в том, что русский народ развивается по единым для европейских народов законам.

Во-вторых, в том, что он «своеобразен и отличен от других западных народов»: «русский человек не американец и не англичанин, а имеет свои, веками сложившиеся самобытные формы» [221, с. 43; 236, с. 221] (П.И.Ковалевский, В.А.Бернов).

В-третьих, что он не представляет собой единого национального типа. Причиной этого, по мнению разных авторов, являлись различные факторы: «Чем богаче одарен народ, чем сложнее, многоструннее его душа, тем менее поддается народный тип формальной характеристики ... Вот почему мы предпочитаем говорить о преобладающих чертах народной души, а не о законченном типе» [228, с. 30–31] (Н.И.Герасимов); «Кроме некоторого слоя людей, живущих в XX веке, огромные массы живут еще в культурных условиях XVII столетия. А в захолустьях и медвежьих углах не-трудно найти все эпохи русской истории до Рюрика, до легендарных скифов включительно. С другой стороны, ...значительная часть общества и народа витает в будущих весях и химеры слабого воображения предпочитает трезвой действительности» [248, с. 238–239] (М.О.Меньшиков).

Оценивая русский национальный характер в целом, идеологи ВНС приходили к выводу о его исключительной положительности.

И.А.Сикорский резюмировал основные качества, присущие русскому национальному типу, следующим образом: «Это, *во-первых* — идеализм возврений и жизни, придающий русскому народу особую печать этнического культурного бескорыстия, *во-вторых* — общеизвестная славянская грусть и задушевность, придающая медленный темп, глубину и основательность всем душевным движениям, начиная от мысли и кончая действием, *в-третьих* — *вера*, как психологическая черта и свойство, дающее уверенность, устойчивость и прочность надеждам, ожиданиям и самому идеализму... Четвертой отличительной народной чертой является русское *гостеприимство и терпимость*» [296, с. 30–31]. Сравнивая психологические особенности различных групп славянства, П.И.Ковалевский отмечал: «Если так низка психология современных западных славян, то, к нашему счастью, психология восточных, русских современных славян иная. Им свойственны: благодушие, всепрощение, милосердие, сострадание и самопожертвование» [236, с. 213].

Вслед за традиционными славянофилами, идеологи ВНС обращали особое внимание на такую приписываемую русскому народу добродетель, как «всечеловечность»: «Достоевский с своим всегдашим чрезвычайным глубокомыслием отметил *всечеловечность* русской души, способность не только любить других, но и сознавать их как самих себя... Человек чистой русской души — *брат человечества*», и поэтому, как отмечал тот же Достоевский, «если национальная идея русская есть в конце концов лишь всемирное общечеловеческое единение, то значит, вся наша выгода в том, чтобы всем прекратить раздоры, до времени поскорее стать русскими и националистами» [236, с. 281; 228, с. 39] (Н.И.Герасимов, П.И.Ковалевский).

Так же, вслед за основоположниками славянофильской и «официально народной» доктрины, русские националисты указывали на православную религиозность как фактор, обеспечивающий наличие у русского народа основных духовно-нравственных добро-

детелей: «Я глубоко убежден, что все русские религиозны, все искренне исповедуют православную веру, но только это исповедание заключается внутри них самих, и они ее как бы стесняются проявить вне себя, как бы таят ее внутри своей души. Это исповедание веры не книжника и фарисея, а мытаря». «Греческое вероисповедание, говорит А.С.Пушкин, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер»; «Православию и русской нации свойственны: мягкость, доброта, сочувствие, сострадание, любовь, милосердие, самопожертвование и всепрощение» [236, с. 235, 237, 296] (П.И.Ковалевский). «Все гениальные люди России, как наисильнейшие выразители народного духа... ясно утверждают своим явлением, что никакие огненные сомнения и испытания не в силах поколебать в великой христианской Русской душе народа "Богоносца" коренных национальных черт ее: неизменной верности мудрости Распятого, на ниве святой любви Которого и возможен духовный рост человека для реализации справедливости на земле» [324 — 1911, 7 февр., с. 15—16] (Е.И.Полянская). «Небо Божие и Земля Правая — заветные точки притяжения всего русского мира». «Вера отеческая, родовые предания, дух единения, любви и взаимного милования, единодущие всех языков словенских, мир непостыдный — всему миру, каждой душе — спасение и свобода святая, радость о Боге — вот начала, заложенные в исходах кирилло-мефодиевского православного пути» [228, с. 35, 37] (Н.И.Герасимов).

Интеллектуально-культурные достоинства русского народа определялись путем сопоставления его, во-первых, с населяющими Российскую империю инородцами, и, во-вторых, с народами других стран.

В первом случае отмечалась более высокая, чем у других населяющих империю национальностей, одаренность русских: «Русский народ, как показала его история, есть народ даровитый и энергичный» [241, с. 4] (Н.О.Куплевский); «Никто, кажется, с такой настойчивостью не кичится перед нами своим культурным превосходством, как поляки»; «Раз уж нас вызы-

вают на это, спросим: где ваши Пушкины, Лермонтовы, Тургеневы, Достоевские, Толстые, Васнецовы, Ивановы, Глинки, Чайковские, Ломоносовы, Менделеевы, Лобачевские и целая плеяда звезд второй величины? Кем вы можете блеснуть, кроме Коперника, Мицкевича, Модревия?» [228, с. 40] (Н.И.Герасимов). «Решительно ничем не доказано, что русские бездарнее инородцев, — наоборот. В какой хотите области — культурной, государственной и общественной — самые выдающиеся в России люди — Великороссы... Я не хочу сказать, что все Великороссы даровиты. К несчастью, далеко нет, но в общем все-таки на их стороне больше гения и таланта, тогда как на стороне инородцев — больше посредственности» [248, с. 382] (М.О.Менышков).

Среди факторов, предопределивших высокую степень одаренности русского племени, И.А.Сикорский, в соответствии с развивающимися им расово-биологическими установками, называл «особенную чистоту славянской расы в ряду других европейских рас» [296, с. 29].

Впрочем, сопоставляя интеллектуально-культурные достоинства русского народа с западно-европейскими, идеологи ВНС делали достаточно осторожные выводы, признавая русские приоритеты лишь в гуманитарной сфере и подчеркивая недостаточность национальных достижений русского народа в прочих областях. «Русские, отстав от Запада в разработке объектов внешней культуры, не отстали в разработке вопросов духа, которым, не без основания, придает такое значение маститый старец нашего времени Лев Толстой» [297, с. 3] (И.А.Сикорский); «Русский народ... создал свою собственную философию, полную самого возвышенного идеализма, создал свою литературу, музыку, искусства, по своей глубине и проникновенности соперничающие с мировыми образцами» [303, с. 18] (В.Строганов).

Главным предметом национальной гордости великороссов, без сомнения, должна была являться созданная ими и принадлежащая им величайшая в мире

держава: «Русский народ — величайший из народов земного шара: талантливый, героический, стойкий, великодушный. Народ, который на протяжении своей тысячелетней истории, несмотря на крайне неблагоприятные условия своего существования, создал Империю, занимающую шестую часть суши» [303, с. 18—19] (В.Строганов). «Никто не откажет русской народности в том, что она наделена всеми свойствами великих народов, призванных играть мировую роль в истории. Она это доказала уже тем, что создала одно из величайших в мире государств» [277, с. 5] (ГС ВНС). Национальными героями объявлялись в этой связи все те, кто наиболее активно участвовал в собирании и удержании земель: Владимир Святой, Дмитрий Донской, Сергий Радонежский, купец Минин, князь Пожарский, патриарх Гермоген, Петр Первый, Екатерина Вторая, Суворов, Скобелев, Александр III [221, с. 8, 10] (В.А.Бернов). Способность русских к покорению столь большого количества чужих земель и народов объяснялась, в свою очередь, высокими моральными достоинствами покорителей: в истории России «только одна национальность оказалась неизменно благородной, далекой от личного эгоизма, себялюбия и зависти — это наша, русская... Оттого у нас так легко и привольно живется инородцам и иностранцам... Мы терпимы и великодушны...» [315 — 1912, № 10, с. 2—3] (А.Филиппов); «мы имеем право гордиться нашей нацией внутри своего государства. Ибо мы смело можем сказать в глаза всем нашим подданным, что мы победили их, но не уничтожили. Мы сохранили их религию, их язык, их нравы и обычаи» [236, с. 385—386] (П.И.Ковалевский).

Другим государственно-политическим достоинством русского народа объявлялась его вековая терпеливость и покорность воле верховной власти, действующей, в свою очередь, не под нажимом со стороны перманентно выражавших недовольство «низов», а лишь в соответствии с собственными представлениями об общем благе. «К чести нашей России, к чести ее народа, к чести руководителей ее народа, у нас в

России эти ограничения, эти привилегии (высших словий. — Д.К.) складывались (т.е. упразднялись. — Д.К.) обыкновенно по инициативе не снизу, а сверху. Инициатива освобождения крестьян, как вам известно, шла от Государя Императора, инициатива отмены некоторых ограничений... точно так же была с высоты Престола... Это является одним из славных достоинств нашего русского народа» [207, стб. 4926] (А.А.Мотовилов).

Как можно заметить, перечень гражданско-политических добродетелей русского народа не был обширным. Кроме того, все достоинства русского народа как носителя определенных бытовых и государственных традиций, по мнению тех же идеологов ВНС, выступали одновременно в роли важных предпосылок его гражданско-политической недостаточности.

В наиболее обобщенном виде слабые стороны русской национальной души следовало, по мнению идеологов ВНС, характеризовать как *гражданско-политическую незрелость*: «Гражданское самосознание и сознание своего достоинства у нас слишком еще низки... Это влечет за собою, естественно, недостаточное уважение в другом человеке человека. Недостаточное исполнение своего долга и даже недостаточное уважение к частной собственности» [236, с. 276] (П.И.Ковалевский).

Гражданско-политическая незрелость, в свою очередь, влекла за собой наличие у русского народа целого ряда национально-характерологических изъянов.

Одним из них являлась так называемая непроизводительность, под которой идеологи ВНС понимали неумение русского народа качественно трудиться без специального принуждения. «Славянская непроизводительность! Как много национального, глубокого трагизма в этом изречении!..» [221, с. 13] (В.Бернов). «Русский славянский ум», «всеобъемлющий и дающий поразительные успехи во всех областях знаний, — но малопрактичный и не скрупулезный» [236, с. 376—377; 239, с. 232] (П.И.Ковалевский). «Если в настоящее время при высоких ценах на свиное мясо население

не проявляет инициативы в разведении свиней, или мало ее проявляет, — сокрушался, выступая в Государственной думе, П.Н.Ягодынский, — то это объясняется свойством нашей русской натуры, по которому нас надо подтолкнуть на дело, и тогда оно пойдет» [207, стб. 4573]. По мнению В.В.Шульгина, русская нация представляла собой «население, резко различающееся на две части. Так называемый "народ", в общем, физически и душевно здоровый, но ленивый, невежественный и лишенный одного из существенных элементов культуры — уважения к "чужой" собственности. Другая часть населения, так называемая "интеллигенция". Полубольная, вечно всем недовольная (наполовину "нытики", наполовину "бомбисты"), мало способная к практической деятельности», словом, «смесь дегенеративных эстетов с анархизированными дегенератами» [360, с. 32].

Другим традиционным для русского народа проявлением его гражданской нецивилизованности являлась его извечная склонность к «розни» [322 — 1911, 18 мая] (А.И.Савенко). «Однинадцать веков тому назад наши славяне поехали к варягам за море признаваться, что земля-де наша велика и обильна, но порядка в ней нет: у себя сами не можем его сделать — так придите, мол, вы; придите княжить и владеть нами!. Что тогда, что теперь мы плохо надеемся на свои силы... Мы разрозненны» [221, с. 14] (В.А.Бернов).

Оборотной стороной гражданской разрозненности оказывалась фатальная приверженность русских к анархическим формам социальной активности. «Волевые свойства нашей племенной психики» не только антигосударственны, но в принципе враждебны «всему порядку» и дисциплине; нигде народ не испытывает такое отвращение к «праву, закону, общественной морали», как в России; вообще, если бы не постоянная угроза извне — российская государственность сложиться бы не смогла [273, с. 5—6] (В.Онежский). «Заметьте любопытное совпадение. В века крепостного права затихла анархия. Она была

подавлена, и возможная свобода граждан была осуществлена. С отменой рабства, с развитием т.н. демократии, вновь поднимается анархия, и общая свобода печально никнет»; «мы первые выдвинули боячество как общественный класс, в Европе почти неизвестное» [248, с. 384—385] (М.О.Меньшиков).

Перечисленные выше характерологические недостатки русского народа приводили, по убеждению идеологов ВНС к тому, что Россия «сама не ест и другим не дает»: «огромные пространства плодородной земли, безобразно эксплуатируемой. В руках "австрийцев" эта земля дала бы хлеба в два раза, в руках немцев в четыре, а в руках англичан в шесть раз больше, чем у нас... Неисчислимые богатства, лежащие втуне» [360, с. 31] (В.В.Шульгин). Данное обстоятельство, с точки зрения русских националистов, было вдвое опасно еще и потому, что, как отмечал В.Бернов, «политическая инертность, сонность и разрозненность "неунывающего" россиянина являются лучшими средствами для прочного его закабаления евреями» [221, с. 43, 51]. Порой русские националисты срывались на откровенную брань по адресу «балдевшего русского головотряпа»: «Ах, глупые, глупые русские люди, несчастное русское стадо!.. Значит, дурацкие головы, судьба будет еще хлестать вас по щекам до тех пор, пока не поумнеете» [221, с. 33; 358, с. 404] (В.А.Бернов, В.В.Шульгин).

Наиболее всесторонне проблему гражданской несостоительности русского народа рассмотрел в своих публицистических произведениях М.О.Меньшиков, ценность высказываний которого заставляет процитировать их достаточно подробно.

«Народ никогда не гибнет от грехов небольшой кучки людей, онтонет лишь в наводнении грехов. Иной раз слушаешь парламентского болтуна, в узком черепе которого играет шарманка: "гнет правительства", "растоптанная свобода" и т.д. Хочется спросить: — ради истины, скажите, препятствовало ли правительство, например, обрабатывать хорошо поля? Однако они прескверно обработаны, — и не только у кресть-

ян, а и у помещиков, катающихся на автомобиле. Мешало ли правительство устраивать фабрики и доводить их до возможного совершенства? Однако фабрик до сих пор немного, и они плохи, причем не было бы, может быть, никаких фабрик, если бы правительство не поддерживало их разными субсидиями. Мешало ли правительство купцам торговать расчетливо и честно? Или священникам вести трезвую и благочестивую жизнь?; «кому из преступников власть препятствовала быть честным человеком?»; «Вы кричите, что правительство разворовало Россию. Позвольте! Разве народ не тем же занимается, если говорить правду? Разве не во всех сословиях у нас рвут казну и тащат, кто сколько может?»; «Кричат, что министры невежественны и ленивы. А кто учел невежество и бездельничество г-д общественных деятелей... на бесчисленных постах, где интеллигенция призвана быть двигателем и возбудителем труда?.. Кричат, что власти дармоеды, а пусть-ка каждый мужик посмотрит кругом себя: мало ли у него в своей деревне захребетников? И не захребетник ли он чай-нибудь сам?» [248, с. 702—704].

«Те, что кричат, будто русский народ "задавлен" трудом — или сами лентяи, или никогда не видывали настоящей крестьянской работы. Взгляните, как работают французы, немцы, англичане. Взгляните, как работают даже латыши, чтобы не ходить далеко. Смешно даже сравнивать их труд с обыкновенной, через пень в колоду, возмутительно-небрежной крестьянской работой "с прохладцей", кое-как, лишь бы отдельяться»; «не малоземелье, а местами наоборот — многоземелье губит крестьянское хозяйство»; «с 1/3 десятины китаец больше собирает, чем наш крестьянин с 10... Вы скажете — мы не Китай, у нас и климат, почва другая. Сущий вздор. Только отношение к земле другое, неблагородное, безумное, преступное, — больше ничего» [248, с. 111—112].

Главная беда России — «не в засилье богатства, а в вырождении труда народного, в потере веры в труд, в фантастических химерах, объясняемых одичанием, упадком народа»; «бестолковая раздача пособий голо-

дающим воспитала по всей России массу простонародья, ожидающего хлеба от власти. "Способы" вошли в привычку. На них смотрят уже не как на милость, а как на обязанность казны. При малейшей задержке казенной помощи голодные начинают приписывать свой голод вине правительства. Кричат, что правительство "украло" народный хлеб, что оно затаило кровное достояние народное... Тысячелетний народ отыкает считать землю и свои руки — своими кормильцами. Он начинает просить хлеба у чужих рук, свою опускую в праздности. Праздный же народ, как известно, тотчас превращается в чернь, в анархический класс, связанный от железной дисциплины труда»; «предоставили полную свободу всем сословиям владеть этой великолепной — пожалуй, лучше в свете природой, и что же? Леса поспешно оказались вырубленными.., реки загажены и опустошены, лесная и полевая дичь истреблена, растительный покров почвы содран и пески обнажены. В сорок лет Россия физически стала неузнаваемой — вот вам и *Laissez faire!*» [248, с. 188, 312, 703—705].

Если не всему русскому народу, «то одному проценту его — помещикам было предоставлено по тысяче (и более) десятин на душу. Им был предоставлен даровой труд крестьянский и сверх того гимназии, университеты, почетное звание благородных, крайне широкие вольности, вплоть до права самодержавного распоряжения с Отечеством. Ответьте же по совести, хорошо ли воспользовались лучшие представители народа волшебными своими преимуществами? Очень скверно воспользовались, уверяю вас»; «предоставили дворянам на колоссальные выкупные платежи поднять агрокультуру, которую они не удосужились поднять за триста лет. Правительство ахнуть не успело, как миллиард выкупных перекочевал в сундуки заграничных кокоток и магазинов роскоши». Свои громадные имения русские дворяне «только и сумели, что растратить, распродать, прокутить, не успев за несколько столетий завести ни саксонской, ни китайской культуры. В школах почти ничему не научаются, выносят

жалкое знание как повинность, которую сбрасывают с плеч тотчас по окончании курса... "Правами" пользуются чаще для злоупотреблений, свободой — для освобождения себя от долга и приличия». При этом все это не есть беда лишь одного привилегированного сословия, это симптом кризиса нации в целом, ибо «в возможном идеале своем народ есть именно то, что представляют собой дворяне, — не менее, но и отнюдь не более. Народ это усиленно доказывает проявлением тех же свойств в зародыше. Едва освободили крестьян, как по деревням пошел тот же, совершенно дворянский кутеж, те же по натуре барские, легкие нравы насчет женщин, то же отлынивание от труда, то же безверие, та же беспечность к образованию — поразительное равнодушие кдельным книгам и пристрастие к печатной дряни, тот же анархический нигилизм, то же в общем печальное легкомыслие нашей расы» [248, с. 702—703, 705].

«Боже, до чего мелкое, душевно низкое племя — славяне!»; малороссы — «подлое, бездарное племя», «но великороссы оказались еще более дряблыми и пресными, чем хохлы», — подвел итог эволюции своего отношения к русскому племени апостол русского национализма, сделав 14/27 апреля 1918 г., за несколько месяцев до гибели, соответствующую запись в дневнике [347, с. 100].

Исходная социально-психологическая предпосылка всех русских национальных несчастий лежала, по мнению идеологов ВНС, в волевой сфере: «Слабейшую сторону славянского характера составляет воля»; «славяне представляют противоположность германским и ангlosаксонским расам и финнам. Отто Славяне легко уступают там, где другие умеют постоять за себя. Притом воля выражается у Славян порывами.., как будто для возникновения ее требуется срок» [296, с. 20, 22] (И.А.Сикорский).

Безволие влекло за собой не только неумение постоять за себя, но и неспособность качественно и организованно трудиться. И.А.Сикорский, правда, высказал убеждение в том, что после слияния славян-

ского и финского этнических субстратов получившийся в итоге великорусский тип (в отличие от малоросского) приобрел черты деятельности и практичности [296, с. 20, 22], однако в этом утверждении киевский психиатр не нашел поддержки со стороны профессионально близкого ему П.И.Ковалевского, который выразил уверенность в том, что, напротив, прилив финской крови отнюдь не пошел великороссам на пользу, в то время как «прилив крови азиатских хищников у малороссов в значительной мере должен [был] возбудить и энергировать покойный и мирный дух славянской расы» [236, с. 376—377; 239, с. 32].

Помимо биолого-антропологических, назывался также ряд исторических причин русского гражданско-политического неблагополучия.

Во-первых, монгольское иго, приняв которое на себя, русские «спасли Европу», однако «сами пострадали за это и во многом отстали в науке и знании» [236, с. 385] (П.И.Ковалевский), усвоив «небось, да авось — русские позорные черты характера, пережитки угнетения монгольским игом» [221, с. 42] (В.А.Бернов).

Во-вторых, постоянная внешняя угроза, предопределявшая насилиственное навязывание государственных форм обществу, что, в свою очередь, порождало «отсталость гражданственности», «первообытность учреждений» [273, с. 5—6] (В.Онежский), а также тотальный правовой нигилизм: «русский человек никогда не воспитывался в чувстве законности, ибо на каждом шагу видел беззаконие» [303, с. 108] (В.Строганов).

В-третьих, многовековое крепостное право: мы — «дети рабов и рабовладельцев»; раб не уважает рабовладельца и наоборот; «из этого положения людей между собою вытекает следующее: отсутствие сознания и исполнения своего долга к Богу, ближнему, природе и собственности»; «из того же рабства вытекает отсутствие чувства собственности.., лень и недобросовестное исполнение. Подобное положение дела вызывало принуждение, взыскания, унижения и наказания. С другой стороны, рядом с этим существовало

отсутствие чувства обиды, самолюбия, оскорблений личности как в себе, так и в других, а также заискивание, лесть, обман, лживость и самоунижение». «Душевная пустота, отсутствие чувства собственности, недостаток стремления к лучшему, апатия, безнадежность породили порок — забывания и искания наслаждения в алкоголе» [236, с. 57, 289] (П.И.Ковалевский).

В-четвертых, пагубное влияние иностранцев и инородцев: «Коренной русский характер» существенным образом менялся под влиянием не только «исторических событий», но и «примесей... новых элементов» [238, с. 5] (П.И.Ковалевский); «Русские бездеятельны, не предприимчивы, вялы, не жизнерадостны, у них нет увлекающей их исторической или национальной страсти. Все это признак нейтрализации духа, погашения его путем подмесей со всех сторон. Если осторожным и умелым скрещиванием вырабатываются в течение веков благородные породы, требующие тщательного бережения, то наоборот, путем безоглядочного слияния с инородцами идет обратный процесс — раскрещивания, разложения пород... Слишком подмешанный народ делается плохим народом, "подстилкою" для более чистых рас». «Вторжение иноземцев все испортило. Петр III раскрепостил дворян, позабыв при этом раскрепостить народ. Коренному немцу хотелось видеть вокруг себя феодалов, и вот сто тысяч дворян были посажены на готовые хлеба. Тогда именно, мне кажется, и началось свинство русской жизни, подготовившее нашествие бесов» [248, с. 377—378, 623] (М.О.Меньшиков).

В-пятых, негативное воздействие природных и геополитических условий: «Россия в собственном тесном смысле занимает величайшую в мире площадь... Слишком большое племя и беспредельное пространство — важная основа к безбоязненности соседей и склонность к неподчинению себе подобному (т.е. собственной власти. — Д.К.), — а отсюда нередкие неприятные уроки от сплоченных соседей в виде разорений, пленений и грабежей» [239, с. 30—31] (П.И.Ковалевский); «основное несчастье России в том, что она

растянута в пространстве до последнего предела натяжения, до разрыва. Силы великого племени, приложенные к столь неизмеримой площади, в каждой точке сводятся почти к нулю. Именно отсюда наша неспособность ни в одном месте громадной страны развить культуру сильную и богатую: богатство требует сосредоточения сил, накопления их в ряду веков. В этом отношении несравненно благоприятнее сложилась судьба западных народов в тесном пространстве. Из необъятного протяжения России вытекает не только общая бедность, но и пестрота страны, отсутствие физического единства, физической целостности. Отсюда же наша национальная слабость и пестрота, отсутствие морального единства. Самая превосходная политика не даст нам мощи тех наций, что выработались на небольшой территории». «Россия одна из тех незадачливых народностей, которые слишком широко разбросались — чисто пространственно и утратили в немалой степени цельность своих частей»; «Славянство, вообще, и Россия, в частности, оказались в хвосте народов еще при великом переселении их в первые века нашей эры. В то время, когда латинские и германские племена уперлись в океан и очень рано были вынуждены сгущаться на своих тесных площадях, мы целые века продолжали расширяться... До сих пор — несмотря на все опасности — совершается центробежный процесс, растрепывающий нашу народность и разъединяющий ее. Мудрено ли, что, кроме нынешнего давления, иностранцев, мы испытываем весьма существенное внутреннее засилье инородцев, т.е. покоренных иностранцев?» [248, с. 237; 254, с. 703—704] (М.О.Меньшиков). Данные аргументы, как нетрудно заметить, косвенным образом дезавуировали тезис о необъятности территории России как главном свидетельстве наличия у русского народа гражданско-политических достоинств.

Вообще, как уже отмечалось выше, недостатки русского национального характера, с точки зрения русских националистов, частично являлись продолжением его достоинств. Так, по мнению П.И.Кова-

левского, оборотной стороной всечеловечности, мечтательности и духовной синтетичности русской натуры оказывались, во-первых, отсутствие «европейской деловитости, непроницаемости, неподатливости» и, во-вторых, наличие склонности к космополитизму, «что и было с нами в 60—70-е годы» [236, с. 273, 393]. С точки зрения А.И.Савенко, «непреоборимая склонность к всепрощению» ставила русский народ в постоянную зависимость от политических демагогов [289].

Все перечисленные выше причины, порождающие национальные недостатки и беды русского народа, в силу своей исходной неустранимости, могли, с точки зрения русских националистов, перестать оказывать негативное воздействие на русский национальный характер лишь вследствие своеобразного исторического чуда, именуемого «национальным пробуждением», которое должно было вывести на первый план русские национальные достоинства. Духовные вожди ВНС выражали уверенность в том, что первые признаки упомянутого пробуждения уже успели обозначиться: «Русский народ сам по себе не жесток и не изувер. Он забит, он угнетен, он апатичен, он не смел, он осторожен, он нерешителен, он безличен, он недоверчив, — но это было. А ныне русский народ просыпается со всеми своими добрыми славянскими качествами. В добрый путь!» [236, с. 291] (П.И.Ковалевский).

Таким образом, подводя итог анализу отношения русских националистов к феномену русского национального характера, следует отметить, что оно отличалось крайней внутренней противоречивостью, в основе которой лежало стремление идеологов ВНС к обоснованию взаимоисключающих тезисов: о качественном превосходстве русского народа над прочими, а также о гражданско-политической недостаточности его по сравнению с другими народами. С одной стороны, идеологи ВНС, подобно теоретикам любой доктрины националистического толка, были, вслед за Ф.М.Достоевским, убеждены в том, что «всякий вели-

кий народ верит и должен верить.., что в нем-то, и только в нем одном, заключается спасение мира, что живет он на то, чтобы стоять во главе народов, привести их всех к себе воедино и вести их в согласном хоре к окончательной цели, всем им предназначенному» [236, с. 280] (П.И.Ковалевский). С другой стороны, необходимость акцентирования идеологического внимания на национально-характерологических недостатках русской нации вытекала из важных программных идей партии русских националистов: о необходимости «политического протекционизма» для русского народа, как граждански «недостаточного» и нуждающегося в силу этого обстоятельства в системе покровительственных мер; а также о необходимости последовательной ориентации общественного развития русского народа, «отставшего» в своем историческом развитии на западно-европейские образцы. «Наш долг отметить, оттенить еще ярче и правдивее отрицательные стороны наших братьев, дабы надлежащим воспитанием возможно было исправить и вытравить то, что наложено нашими условиями жизни и тысячелетним рабством» [236, с. 285—286] (П.И.Ковалевский). Фактором, усилившим внутреннюю противоречивость идеальных взглядов ВНС, касающихся проблемы русского национального характера, являлась социально-культурная разношерстность русского народа. Характерно в связи со всем сказанным то, что, говоря на тему о сильных сторонах русского национального характера, идеологи ВНС вынуждены были практически дословно воспроизводить аргументацию славянофилов, взгляды которых в большинстве других случаев подвергались русскими националистами последовательной критике.

В заключение необходимо подчеркнуть, что на всем протяжении рассматриваемого периода данный раздел доктрины русского национализма не претерпел принципиальных изменений, если не считать некоторого сгущения эмоциональной окрашенности отрицательных характеристик, которыми идеологи ВНС награждали единоплеменников в революционные периоды (1905—1907 гг. и 1917—1921 годы).

2. Русское национальное прошлое в освещении партийных теоретиков ВНС

Отношение русских националистов к истории русского народа было предельно политизированным и сфокусированным на тех проблемах, которые казались им актуальными. В связи с этим, говоря о русском национальном прошлом, русские националисты прежде всего касались сюжетов, связанных с историей российской государственности. В частности, большое внимание идеологи ВНС уделили попытке осмысления сущности «старого режима», то есть того самодержавно-абсолютистского строя, который существовал в России вплоть до последовавших в 1905—1907 гг. государственных преобразований.

Несмотря на декларированную любовь к национальному прошлому во всей его совокупности («национализм — это прежде всего любовь — любовь к родному народу, к прошлому, ко всей его истории, к его особенностям» [290] (А.И.Савенко); «Стоит человеку перестать любить свою родину такою, как она есть, как тотчас из национальности его выпадает самое существенное, что определяет нацию» [248, с. 570] (М.О.Меньшиков), — отношение ВНС к эпохе, предшествовавшей 17 октября 1905 г., в целом являлось критическим.

Любые «реакционные» инициативы, то есть попытки полного или частичного восстановления «старого режима» объявлялись недопустимыми: «Говоря о русской национальной мощи, мы не зовем назад, не рекомендуем отрекаться от настоящего и искать опоры для будущего в том, что отжило или переродилось в новые формы жизни. Вся наша забота не о формах жизни, а о ее существенном содержании» [236, с. 291] (ГС ВНС). «Реакция — в смысле возвращения к старому безвластью и государственному воровству — ненавистна всей стране, за исключением разве кучки превосходительных паразитов и хранителей казенного "золотого руна". Реакция ненавистна вдвойне, кроме ее собственных черных грехов, на ее бессовестности

лежат кровавые грехи бунта... Реакция ненавистна вдвойне; и за прошлое, погубленное столь бесславно, и за настоящее, прескверное до последней степени, и за будущее, которому она угрожает тем же» [248, с. 635] (М.О.Меньшиков).

Главным пороком «старого режима», по убеждению русских националистов, являлся его бюрократизм, суть которого, по мнению М.О.Меньшикова, заключалась в превращении аппарата власти в самодовлеющий, никак не связанный с интересами общества организм: «правящий класс постепенно сложился в партию, сословное своекорыстие которой и узость целей привели страну к катастрофе» [248, с. 161].

Под общим именем «бюрократизма» скрывались, по мнению идеологов ВНС, следующие конкретные пороки, традиционно присущие деятельности российских властей.

Главным из этих пороков являлся бюрократический «антинационализм», который понимался русскими националистами двояко: во-первых, как отставание чиновниками иностранных и инородческих интересов в ущерб русским и, во-вторых, как угнетение представителями власти русской общественной свободы.

Будучи единодушными в констатации наличия у «доманифестного» правительства России вышеупомянутого изъяна, русские националисты расходились в определении хронологических рамок его существования: последние пятьдесят лет, особенно на рубеже XIX и XX вв. [218, с. 1; 219, с. 155] (П.Н.Балаев); последние сто лет, «начиная с эпохи Александра I» [322 — 1912, 22 янв.] (А.И.Савенко); последние двести лет, начиная с правления Петра I [331 — 1912, 1 июля] (В.А.Бобринский).

Пагубность бюрократического покровительства иностранцам и инородцам в ущерб русским, по мнению ВНС, была очевидной и специального обоснования не требовала. В свою очередь, опасность угнетения русской общественной свободы разъяснялась достаточно подробно. По мнению русских националистов, она заключалась в следующем.

Во-первых, в подавлении творческого и гражданского потенциала нации: «Всюду и везде ища крамолу», «правящая сила» «предупреждает и пресекает всякую личную инициативу, все самобытное и сильное, одним словом, все то, что в своём целом составляет национальный облик народа, и все это делается во имя и под прикрытием национального флага» [218, с. 2] (П.Н.Балашев); «Чиновничество лишило нас более чем прав — самой способности гражданства. Оно отучило нас от России» [248, с. 13] (М.О.Меньшиков). «Тотчас же по учреждении земских и городских управлений правительство, т.е. скорее бюрократия, взяла их под свое подозрение, стала относиться к ним с недоверием, поставила целую массу препон и пут на пути их деятельности»; прежнее МВД «на новых интеллигентных пионеров — на агрономов смотрело с таким же недоверием, как и на другого пионера — сельского учителя» [207, стб. 3908—3909] (Н.Н.Чихачев).

Во-вторых, в создании политической ситуации «национального безмолвия», при котором представители русской общественности оказываются лишенными возможности гласно заявлять об ущемлении своих национальных интересов в различных частях Российской империи и за ее пределами [331 — 1912, 1 июля] (В.А.Бобринский); бюрократы «отрицали наличность и значение общества и общественного мнения» [327 — 1913, 3 нояб.] (А.И.Савенко).

В-третьих, в фактической подготовке и провоцировании революционного взрыва. «Из общей почвы русского беззакония выросли III отделение и революционные комитеты», а «политика стала синонимом революции»; государство может жить века, «опираясь, против сознательной воли подданных, на силу», однако с развитием цивилизации народ начинает политически прозревать, и если в этом случае политика оказывается под запретом, то интерес к ней начинает проявляться в извращенных формах: анархизма, социализма, террора, революционной деятельности и т.п. [273, с. 8—10] (В.Онежский). Под влиянием реформ

60—70-х годов XIX в. многие русские деятели попытались устроить общественную жизнь «на новых началах, согласно с духом реформ. Однако тысячи невидимых нитей связывали свободу их действий, тысячи традиций являлись препятствием на их пути»; «как всегда бывает в разгаре борьбы, они часто шли гораздо дальше в своем отрицании и в своих нападках, чем сами рассчитывали, начиная борьбу» [244, с. 8] (А.Лодыгин). «Весьма многие либеральные люди неопределенно сочувствовали социализму и даже коммунизму, рассчитывая на то, что это ведь, если и будет, то будет когда-то, в отдаленном будущем, а пока лишь только одни приятные разговоры. Так как в России действительно недоставало многих формальных свобод для правильного развития государственной и частной деятельности, то такое смешение понятий, при отсутствии в обществе надлежащих сведений и политической опытности, весьма естественно» [242, с. 26—31] (Н.О.Куплеваский). «Огромная часть общества у нас сочувствует революции просто потому, что не различает социальной революции от политической. Россия исстрадалась в ожидании политической реформы и готова счесть за нее совершенно чуждый ей социал-революционный процесс». «Старая государственность, разыгрывавшаяся так долго за смущенной занавесью, лишала народ нашей политической школы, и до такой степени, что население политически одичало» [248, с. 38, 588] (М.О.Меньшиков). «Народное творчество, остановленное властным окриком на своем естественном пути, идет вкось, прокладывает себе иные дороги и благодаря значительному трению накапливает в себе много горючего, а в некоторых случаях и взрывчатого материала». «Таковы и были результаты прежнего правительственного режима. Во всей бесконечной шире нашей необъятной родины от крестьянской лачуги до роскошных дворцов — всюду и везде царило недовольство, всюду и везде создавалось и укреплялось то состояние умов, при котором события 1905—1907 годов являлись совершенно естественными и неизбежными» [218, с. 2] (П.Н.Балашев).

Помимо антинационализма, другим существенным пороком, присущим доминантной бюрократии, являлась ее неспособность к осуществлению последовательной программы реформ. «Настоящая сила революции», — цитировал «вещего» Бисмарка В.В.Шульгин, касаясь оценки деятельности российской бюрократии, — не в «широких и неисполнимых программах, которые провозглашают революционные вожаки», а в «скромных и справедливых требованиях, своевременно не удовлетворенных» [322 — 1912, 4 февр.].

Большое внимание критике реформаторской несостоятельности российской бюрократии уделил М.О.Меньшиков: «Благонамеренные крепостники, просвещенные бюрократы, степенные лендерды на французский лад — какие государственные реформы могли провести сановники Освободителя, которому личная скромность внушала робость и у которого каждый порыв воли обессиливался равнодушием? Крестьянам дали полусвободу, полунадел, полуобеспечение в его крайне тяжком труде, — и, давая всего лишь полуреформу, думали, что это реформа и даже великая. Образованному обществу дали конституционное самоуправление, конституционный суд, — но законодательство и власть оставили прежние». «Всемогущая бюрократия первым употреблением безграничной власти сделала себе льготу — заниматься нетрудными вопросами и откладывать трудные». «В результате завязшее в культурной отсталости государство стало походить на завязшую в грязи телегу, которую вместо того, чтобы вытащить, кое-где почистили и поскребли», предоставив ей тем временем «вязнуть все глубже, пока не выяснилось, что вытащить ее уже нельзя без серьезной поломки». Беда «полумер», по мнению М.О.Меньшикова, заключалась прежде всего в том, что под ними скрывалось стремление правительства изобразить видимость перемен, оставив в действительности все по-старому: «Все последнее пятидесятилетие есть сплошная попытка правления через правый центр. Он у нас установился тотчас после Крымской

войны и, слабо колеблясь... довел Россию до войны маньчжурской» [248, с. 73, 363].

Характерной особенностью правительственной деятельности при «старом режиме», по мнению М.О.Меньшикова, являлась тотальная чиновничья безответственность: «Ответственность? Да какая возможна ответственность, когда в качестве ссылки для министра служит золотое кресло Гос. совета?» [248, с. 13] (М.О.Меньшиков). Главным условием, позволявшим чиновникам существовать в режиме административной безответственности, являлся так называемый принцип коллегиальности: «Коллегиальная система свирепствовала у нас уже больше столетия». «В старом режиме правила не творческая личность, а бездушная толпа»; «истинная причина гибели старого режима та, что в нем все мешали друг другу и никто не имел настоящей власти» [248, с. 13, 466, 468, 588, 622—624] (М.О.Меньшиков). Оборотной стороной безответственности оказывалась административная безынициативность: «идеал старого раззолоченного чиновника не брать на себя никакой инициативы, а выполнять лишь то, что прикажут» [248, с. 226] (М.О.Меньшиков). В своей совокупности безответственность и безынициативность способствовали выдвижению на ведущие административные посты людей безвольных, политически бессильных и невыразительных: «старческим бессилием отличалась вся вторая половина XIX в. В правительстве... перестали появляться крупные характеры. На роли вершителей судеб выдвинулись незначительные люди». «Когда подошли трагические времена, оказалось, что у людей власти... потерян сам орган великой работы — воля» [248, с. 363] (М.О.Меньшиков).

Политическому безволию старой российской бюрократии соответствовал ее идеально-политический индифферентизм, не позволивший ей действовать в интересах государства и общества: «Часть бюрократии стояла за Веру, Царя и Отечество, другая же часть — за свободу, равенство и братство, а большая часть, потерявшая и нравственный, и религиозный идеал,

стояла исключительно за себя и свои интересы, думая, что после нас хоть потоп. Рознь и индифферентизм бюрократии довели ее до полного бессилия, которое, наконец, и разрешилось прискорбными событиями японской войны и 1905—1906 годов» [244, с. 16] (А.Лодыгин).

В свою очередь, отсутствие у «старорежимной власти» способности четко сознавать и эффективно отстаивать национальные интересы роняло ее авторитет в глазах общества: «Теперь, в последние полвека мы как будто исчерпали силу Петра Великого. Обаяние власти, внушенное им, пало... Вместе с обаянием власти падает героизм народный, падает вера в величие своей родины, в преодоление всех преград. Если сподвижники Петра казались великими,.. если сподвижники Екатерины казались «стайей славною орлов», то даже крупные государственные деятели нашей эпохи внушают к себе пренебрежение, недоверие; неохоту подчиняться им» [248, с. 135] (М.О.Меньшиков).

Не остался вне поля зрения идеологов ВНС и такой широко известный недостаток, присущий российской бюрократии (в том числе «старорежимной»), как ее коррумпированность: «Одна из несомненных причин, поднявшая народное движение 1905 года, была наша собственная развращенность и продажность: взяточничество и злоупотребления [322 — 1912, 4 февр.] (В.В.Шульгин).

Подводя итог анализу недостатков деятельности «старорежимной бюрократии», идеологи ВНС констатировали, что к исходу своего существования она «выродилась в нечто крайне уродливое» [327 — 1913, 3 нояб.] (А.И.Савенко).

Говоря об особенностях антибюрократической риторики идеологов ВНС, следует отметить, что она по своей стилистике и по содержанию в большей степени тяготела к либерально-западнической, нежели к либерально-славянофильской модели. Единственным отличием позиции русских националистов по вопросу о «старорежимном» российском бюрократизме от позиции умеренных либералов-западников являлось ак-

центирование идеологами ВНС внимания на его проинородческой («антинациональной») сущности.

Ставя под сомнения качество русского национально-государственного прошлого последних 50—200 лет, русские националисты оказывались перед необходимостью дать этому факту такое объяснение, которое снимало бы неизбежность постановки вопроса о «негативности» русского прошлого в целом. В связи с этим некоторые идейные вожди ВНС выдвинули тезис, согласно которому «испорченному» доманифестному «старому режиму» предшествовал «неиспорченный» — более «старый», которому не был присущ общий порок «бюрократизма».

Вот как обрисовывал этот «более старый» режим М.О.Меньшиков: «Старый режим, если угодно говорить о нем, не проигрывал войн, не сдавал крепостей, не сдавал флотов. У старого режима были Суворовы и Грейги... было полтора века блестательных побед, и завоеваны им не только страны — целый материк пространства». «Проигранные войны, Севастополь, Плевна, Порт-Артур — это события уже не старой, а новой эпохи». «К катастрофе государственной привел не старый, а испорченный режим, и испорчен он был вторжением внешней, несродной нам, по существу мертвой стихии, которая называется "новым режимом"...»; «Нас, как и погибающие — давно конституционные — страны латинского Запада, погубил не старый органический режим, а новый, нам не свойственный» [249, с. 11, 22, 56].

При всем видимом сходстве проводимого М.О.Меньшиковым противопоставления «органического» плюсквамперфекта — «неорганическому» перфекту русской истории с тем, которое обычно проводили славянофилы, между обоими взглядами существовала принципиальная разница. Исходя, в отличие от славянофилов, из убеждения в общности исторических путей развития России и Запада, М.О.Меньшиков упрекал доманифестный режим прежде всего в грехе уклонения от европейского пути развития, характеризовавшегося, по убеждению идео-

лога ВНС, органическим развитием общественных форм [249, с. 10—24, 56].

Получалась достаточно парадоксальная, по сути спекулятивная система рассуждений, в рамках которой любое «западническое» нововведение в России квалифицировалось как «уклонение» ее с присущего европейским странам «органического» пути национального развития. Раз Европа и Россия изначально развивались одинаково, то, следовательно, органическое развитие России, — если бы оно протекало беспрепятственно, — должно было, по М.О.Меньшикову, привести к тем же результатам, что и развитие Запада, то есть к становлению конституционных форм государственности. Поскольку же реальное развитие России, пошло совсем иначе, следовательно, «органичность» его течения была нарушена теми, кто механически попытался насадить в России органически чуждые ей учреждения. Таким образом российские преобразования XVIII—XIX вв., несмотря на свою внешнюю «европейскость», объявлялись «антиевропейскими» (антиорганическими) по сути и обвинялись в нарушении естественного хода русской истории, а также в утверждении того «испорченного» «старого режима», от которого, в свою очередь, проис текли все российские беды последних десятилетий.

Доходящая до гротеска сколастичность данной цепи умозаключений становилась еще более противоречивой, когда М.О.Меньшиков начинал конкретизировать суть своих историософских пассажей, поясняя, что «испорченность» доманифестного «старого режима» заключалась не столько в самом факте механического заимствования чужих России форм общественной и государственной жизни, сколько в недостаточной последовательности и комплексности этого заимствования [248, с. 13, 466—470, 622—624] (М.О.Меньшиков). По сути дела такая оценка отрицательных сторон доманифестного режима мало чем отличалась от либерально-западнической.

Таким образом, стремясь пройти между Сциллой необходимости создания мифа о «золотом веке» рус-

ской истории и Харибдой необходимости оставаться на европоцентристских позициях и не скатиться в славянофильскую «ересь», — идеологи ВНС были вынуждены создать предельно противоречивую национал-либеральную историософскую модель, которую было довольно трудно использовать даже при решении текущих агитационно-пропагандистских задач.

Оценка идеологами ВНС причин, а также характера и последствий российской революции 1905—1907 гг. непосредственно вытекала из их оценки русского национального прошлого и, в силу этого, также характеризовалась значительной внутренней противоречивостью.

Причины, приведшие к событиям 1905—1907 гг., заключались в порочной сущности «старого режима», проводившего, по убеждению идеологов ВНС, неверную политику как по отношению к русскому обществу, так и по отношению к инородцам. Среди факторов, делавших события 1905—1907 гг. «совершенно естественными и неизбежными» [218, с. 2] (П.Н.Балашев) назывались те политические изъяны, которые были присущи всем абсолютистским режимам, в том числе доманифестной России.

Важнейшим фактором, непосредственно повлекшим за собой нарастание революционного кризиса, явилась неспособность правительственный власти к преодолению оппозиционной настроенности по отношению к себе со стороны образованной части русского общества. С точки зрения Н.О.Куплеваского, первые всполохи революционного пожара следовало видеть не в проявлениях крестьянского и рабочего движения, а в усилении активности наиболее политизированной части горожан: «Началом открытой борьбы в широком масштабе можно считать беспорядки в Петербурге, начатые на университете акте 8 февраля 1899 г.» [242, с. 26—27]. По мнению М.О.Меньшикова, переломным моментом в развитии революционной ситуации явилось назначение министром внутренних дел кн. П.Д.Святополк-Мирского, спровоцировавшее бурный всплеск общественной оппозицион-

ности: если до этого времени «все еще таилась надежда, что власть сильна, что она только притворяется слабой», то объявление «эпохи доверия», «при тогдашней обстановке», «показалось объявлением банкротства» [248, с. 562].

Другим важным фактором, обусловившим рост революционной напряженности, явилась, по мнению лидеров ВНС, неверная политика российского правительства в области национального вопроса. По мнению П.Н.Балашева, одна из ошибок правительства заключалась во вступлении «на борьбу с инородцами». Сперва правительство решило, что «не должно быть больше пасынков», «кстати, пользующихся, наперекор общественному мнению, гораздо большими правами, чем истинные дети России», и постановило «перевести всех инородцев в разряд истинных сынов России», а затем, «буде же кто-нибудь из этих заблудших инородцев не захочет поступить в таковые», решило обращаться с ними «на основании самого последнего циркуляра». «Вследствие этого началась борьба каждой отдельной национальности с правительством» [219, с. 155–156].

Главное, что инкриминировали идеологи ВНС русской революции 1905–1907 гг., — это ее «антинациональный» характер: российская революция «не русская, а инородческая, — потому что революция эта не что иное, как бунт инородчества во главе с еврейством против России и русского народа» [236, с. 255] (П.И.Ковалевский); «Вспомним движение 1905–7 гг.; оно началось, разрослось и благодаря ряду обстоятельств настолько окрепло, что стало угрожать не одному старому строю с его ошибками и недочетами, а стране как самобытной единице, со всеми ее характерными чертами и особенностями, то есть тому, чем мы более всего дорожим, чему поклоняемся, что называем едиными словом — Россия»; русские революционеры «совершили ту же ошибку, что до них совершило правительство: увидев в его руках трехцветный флаг, они на него накинулись, попытались его вырвать и протащить по грязи. Этим их направлением

и была решена дальнейшая судьба нашей смуты; этою наглостью она себе подписала смертный приговор» [218, с. 3; 361, л. 1] (П.Н.Балашев); «Как выдвинулись вперед в русской жизни инородцы в 1900–06 годах, когда резко проявился упадок национального чувства, подготовленный успехами социализма!» [295, с. 58] (А.А.Сидоров). За спиной революции «стояла тень всемирного еврейства, тень эта воодушевляла русское "пуническое мясо" и на революцию, ей нужна была "русская свобода"... в качестве легчайшего способа достижения еврейством диктаторства над русской торговлей, промышленностью и финансами» [221, с. 43] (В.А.Бернов). Революции не хватило национализма, резюмировал В.Строганов, «почему она, собственно говоря, и провалилась» [303, с. 10].

Другим важнейшим пороком русской революции 1905–1907 гг. являлся ее социально-правовой нигилизм: «Что же стояло под этим зловещим знаком Р[еволюция]?.. Рабство мысли и слова... "рабство нищеты"» [487, л. 19об.–29] (В.В.Шульгин); «Рабская нивелировка совести и мысли, деспотический гнет над словом и убеждением — такова "декларация прав", объявленная "разбойным приказом" русской революции и скрепленная практикой политических громил» [228, с. 3–4, 45–46] (Н.И.Герасимов); «Русская социальная революция... только разорила и разоряет русский народ и ведет его к полному обнищанию и дикости» [241, с. 4] (Н.О.Куплеваский); «Обольщение смуты в том, будто она борется за свободу, равенство, братство, за права народные. Но это подлая ложь, это подлог самый бессовестный, каким когда-либо обманывали простодушных людей»; «Пусть честные русские женщины вспомнят Христа и спросят бунтарей: неужели хватать за горло — это свобода? Неужели метать бомбы без суда, без следствия — это равенство? Неужели отнимать у граждан их жалкое имущество, неужели клеветать, застрашивать, сжигать со света — это братство?» [248, с. 425–426] (М.О.Меньшиков). «Проходящие гапоно-азефовской марки, Пугачи и Стеньки, сорвавшиеся с виселицы, пресловутые "свет-

лье личности" с душевным складом героев темной ночки на глухой дорожке, напущенные на Русь нашими заграничными колониями неисчислимых маньяков-головорезов, — вот кто были эти "святые отцы революции"..., проповедовавшие «прикосновенность личности, имущества и жизни» [228, с. 3—4] (Н.И.Герасимов).

По мнению П.И.Ковалевского, между антинациональной и социально-деструктивной сторонами российской революции существовала непосредственная связь: «В последнее время обвиняют русский народ в озверении, в склонности к жестокости, разрушительности и даже убийствам. Это неправда... В момент революционного движения 1905 г. простой народ действительно проявил и бесчеловечность, и жестокость, и разрушительность. Но это было не его собственное душевное проявление, а навеянное, — это был момент опьянения анархией и алкоголем, — а во главе этого направления стояли жестокие сыны Иеговы» [236, с. 290].

С точки зрения идеологов ВНС, антинационализм и антилиберализм российской революции лишали ее того позитивного смысла, который был присущ революциям в Европе: «История показывает, что революции бывают весьма различны. Мы хорошо знаем, что, например, великая французская революция вызвала во Франции сильнейшее национал-патриотическое движение. Франция после революции была охвачена столь громадным национально-патриотическим энтузиазмом, что легко разгромила несколько коалиций.., а затем вынесла на вершину гребня житейской волны Наполеона и под предводительством его завоевала половину Европы» [322 — 1912, 2 февр.] (А.И.Савенко); «Французская и русская революция XX в. различны как по форме, так и по существу. Французский революционный конвент беспощадно казнил смертью всех желавших разделения Франции на областные автономии, всех стремившихся устроить ее на федеративном начале, т.е. уничтожить государственное единство... В противоположность французским, русские революционеры казнят строго всех стоящих за единство и

целостность России, всех, стоящих за русскую национальность» [236, с. 253—255] (П.И.Ковалевский). «На Западе революция сумела, худо ли, хорошо ли, выдвинуть лучшие элементы вместо худших. Благодаря старой, окрепшей культуре, благодаря сравнительной воспитанности народной и хорошим качествам буржуазии.., правление на Западе обновилось... У нас сразу захотели перескочить через несколько ступеней. Не имея ни сильной буржуазии, ни тем менее демократии, стали возлагать надежды на охлократию» [248, с. 323] (М.О.Меньшиков).

Несмотря на все перечисленные выше отрицательные стороны российской революции 1905—1907 гг., а также на то обстоятельство, что исповедуемый партией русских националистов принцип политической умеренности гласил о том, что «социальные и политические задачи не разрешаются так, как задачи математические», то есть не сразу и до конца, «а всегда только более или менее» [310, с. 13] (В.В.Шульгин), — идеологи ВНС признавали, что революция 1905—1907 гг. имела целый ряд положительных последствий.

Прежде всего революция 1905—1907 гг., как отмечали русские националисты, позволила точно диагностировать ту «болезнь», которая явилась следствием пребывания России под гнетом «старого режима». Революция в этой связи сыграла своего рода «терапевтическую» роль, явившись той «болью», тем «недомоганием», которое позволило начать правильное лечение главного российского «недуга», каковым являлось «вечное расхождение власти и народа» [273, с. 10] (В.Онежский).

Одним из наиболее существенных позитивных сдвигов, произошедших в России под влиянием событий 1905—1907 гг., являлось, по мнению русских националистов, национально-русское пробуждение власти и общества, а также их «прозрение» в отношении иностранных: «Мы горьким опытом узнали в годы войны и смуты», к чему может приводить «противоестественное вторжение нерусских элементов в важнейшие отправления нашей государственной и общественной

жизни» [277, с. 2—3] (ГС ВНС); в 1905 году «самое слово "русский" безнаказанно поносилось в стенах Государственной Думы, там же дико глумились над любовью к Отечеству... Но враги зашли слишком далеко, они перехватили через край... И поднялось русское народное сознание широкой и глубокой волной сперва в Западной Руси, а затем волна эта распространилась по всему нашему Отечеству» [222, с. 136] (В.А.Бобринский).

Пробуждение русского национального самосознания в ответ на инородческий натиск, в свою очередь, по мнению националистов, вызвало к жизни целый ряд позитивных сдвигов в жизни России, одним из которых стало появление национал-либеральной политической элиты — «урок революции» «не прошел даром»: «Все инородцы слишком открыли свои карты и показали полное пренебрежение к интересам русского народа; с этой революции начинается рост умеренно-либеральных и в особенности русских национальных партий» [242, с. 26] (Н.О.Куплеваский); общество пробудилось, и «на помощь борократии пришли более благоразумные элементы его, хотя и желавшие реформ, но понимавшие зло анархии» [244, с. 20] (А.Лодыгин). «Смута не утишила гражданский пыл интеллигенции, а наоборот, укрепила ее желание власти... Стремление это, с точки зрения национальной, не только желательно, но и необходимо» [273, с. 12] (В.Онежский).

Важным достижением революции 1905—1907 гг. являлось, согласно мнению идеологов ВНС, создание механизма обратной (конституционной) связи между обществом и властью. В частности, по мнению М.О.Меньшикова, русская революция, в той части, в которой она стремилась к конституционным преобразованиям, имела «некоторые оправдания», исчезавшие, однако, в момент выхода бунта [248, с. 313]. «Смута, — писал В.Онежский, — ...указала на ту прямую связь, что существует между искусственным гальванизированием в течение века отживших правовых форм и тем тяжелым кризисом, что пережило недавно переросшее свою оболочку молодое тело России»;

«Грохнулась оземь китайская стена, отделявшая две России», и чиновники и интеллигенты «бросились в объятья» друг к другу; «Революция против бюрократизма победила, против русской государственности — потерпела поражение» [273, с. 9—11, 17] (В.Онежский).

Оставаясь в целом неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода, отношение русских националистов к российской революции 1905—1907 гг. характеризовалось рядом внутренних противоречий, вызванных исходной противоречивостью доктрины ВНС, пытающейся интерпретировать российскую социально-политическую действительность в «западнических» понятиях и категориях. Так, отмечая в качестве негативной стороны российской революции ее «антинациональное» по духу стремление к насаждению в России «чуждых» ей институтов (в частности, института «народоправства»), — русские националисты в то же время относили к числу позитивных итогов революции создание конституционного механизма «обратной связи» между властью и обществом. Кроме того, в качестве одного из основных упреков в адрес российской революции они выдвигали общее обвинение в недостаточной ее похожести на западно-европейские революционные образцы:

* * *

Итогом анализа отношения русских националистов к русской национальной ментальности и русскому национальному прошлому является следующее. В целом данный раздел доктрины ВНС не претерпел на протяжении рассматриваемого периода существенной эволюции, если не считать некоторого усиления противоречивости суждений, высказывавшихся идеяными вождями ВНС в периоды революционных кризисов. Глубинная контрадиктивность взглядов русских националистов на совокупность данных проблем, как представляется, объяснялась стремлением найти позитивное их решение в рамках идейных систем, воз-

никших на Западе. Крайняя затруднительность данной теоретической задачи вынуждала идеологов русского национализма, вопреки собственному скептическому отношению к славянофильской доктрине, обращаться к некоторым идеяным разработкам адептов славянофильства как единственно позволявшим найти аргументы в пользу тезиса о наличии в русской национальной ментальности и национальной истории позитивных черт. «Я не люблю старого славянофильства, — признавался в этой связи М.О.Меньшиков, — с его бесплодной политической метафизикой.., с его "квасным" патриотизмом и пренебрежением к человечеству. Но у славянофилов было то, что теперь нам так необходимо: вера в Россию и желание жить. У них было забытое теперь мужество признавать себя Русскими без стыда» [249, с. 136—139]. Данное обстоятельство, думается, усугубляло исходную внутреннюю противоречивость рассуждений теоретиков ВНС по рассматриваемой совокупности проблем. Отмеченные факторы, как представляется, значительно снижали прикладную ценность данного раздела идеологии ВНС, поскольку не позволяли создать хотя бы внутренне непротиворечивые мифы о «великом русском национальном характере» и «великой русской национальной истории», без которых национал-либеральная доктрина ВНС оказывалась лишенной необходимых концептуальных элементов и в итоге выглядела ущербной.

Глава 4

ПОЗИЦИЯ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ ПО ВАЖНЕЙШИМ ВОПРОСАМ ТЕКУЩЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Государственно-правовое устройство Российской империи в структуре доктрины ВНС

Русские националисты, являясь убежденными монархистами («Русский национализм немыслим без монархического начала» [294, с. 40] (П.А.Кулаковский); «я ни на секунду не допускаю мысли, что у нас может быть иной образ правления, кроме монархического» [303, с. 122] (В.Строганов)), считали самодержавие исконно национальной формой русского монархического правления. В то же время националистская трактовка сущности российского самодержавия отличалась от крайне правой (черносотенной) следующими моментами.

Во-первых, тем, что принцип православия ставился идеологами ВНС в подчиненное положение по отношению к принципу самодержавия: национализм «немыслим без наличности Самодержавия и православия», однако при этом критерием «для распознавания политической принадлежности должно являться отношение к национализму», а не к самодержавию и православию как таковым (стоит обратить внимание на то, что термин «Самодержавие», в отличие от термина «православие», употреблен в данном пассаже с прописной буквы) [294, с. 40] (А.И.Савенко).

Во-вторых, тем, что самодержавие и православие осмысливались через призму национализма: «Государственный строй России — Самодержавная монархия, и этот строй вытекает из национальных (курсив мой. — Д.К.) свойств народа» так же, как вытекает из них и православная религия [235, с. 26—27; 236, с. 11; 239, с. 54] (П.И.Ковалевский); «Самодержавие вытекает из национальных свойств России и является национальным управлением ее и потому *самобытым*